

УДК 82.0:001.12/.18; 82-94
DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-64-68

ФИКТИВНЫЙ БРАК КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В РОССИИ XIX ВЕКА

Ю. Ю. Афанасьева

Томский государственный педагогический университет, Томск

На материале писем и воспоминаний Н. В. Шелгунова, В. О. Ковалевского, Н. Г. Чернышевского, современных критических исследований рассматривается феномен зарождения в России фиктивного брака. Исследуются нетипичные для того времени модели семьи с новым отношением к женщине. Гендерный подход выявляет постепенное изменение в общественном сознании роли женщины в семье и социуме.

Ключевые слова: *Н. Г. Чернышевский, роман «Что делать?», фиктивный брак, семья Шелгуновых, воспоминания, Софья и Владимир Ковалевские, гендерные исследования.*

В России 1850–1860-х гг. символом женского освободительного движения стало появление такого культурного феномена, как фиктивный брак. Это было время не только политического кризиса, но и большого демократического подъема, на волне которого был поднят и женский вопрос. Девушки из дворянских семей или среды разночинцев, желающие учиться в университетах (в том числе за границей), но не имевшие на это согласие родителей, часто заключали фиктивные союзы. Модель поведения благородного мужчины в России обуславливалась стремлением взять на себя ответственность за женщину, которую общество лишало гражданских прав. Н. Г. Чернышевский показал, что должен делать в России порядочный человек, находясь в рамках «разумного эгоизма» [1]. То есть в условиях социальной несправедливости мужчина должен был восполнить и дать женщине то, чего она не получала от социума. Модель благородного альтруистического поведения мужчины прочно вошла в сознание той части молодежи, которая разделяла идеи радикализма.

Это объясняет беспрецедентный феномен заключения фиктивных браков в России в 1860-х гг. Молодые мужчины, чтобы дать возможность девушкам вести самостоятельную жизнь, получать образование в Петербурге или за границей, соглашались на эту жертву. Эта поведенческая модель самопожертвования возникла в контексте идеалистических представлений о том, что любовное влечение можно подавить силой воли. Как правило, юноши, вступающие в брак, тайне любили своих фиктивных жен, но добровольно отказывались от супружеских прав.

После выхода популярного романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863), главная героиня которого нарушила все общепринятые правила и условности и формально вышла замуж, чтобы реализовать свои замыслы и мечты, популярность фиктивных браков особенно возросла.

Сюжетная линия произведения «Что делать?» разворачивается вокруг Веры Павловны, фиктивный брак которой со студентом-медиком Лопуховым дал ей возможность не только избежать навязываемого родными брака по расчету, но и позволил на практике осуществить принципы женского равноправия. Свобода, равенство и независимость супругов проявлялись не только в укладе дома, ведении хозяйства, но и в личной жизни. Своей жене, Вере Павловне, Лопухов предоставил свободу после того, как она влюбилась в его лучшего друга, медика Кирсанова.

Интересно, что сюжет романа был основан на реальных событиях, а главные герои имели своих прототипов. Мария Александровна Обручева (прототип Веры Павловны) была родом из генеральской семьи, но стремилась к образованию и независимости. Для того чтобы освободиться от опеки семьи, получить возможность посещать университетские лекции, она фиктивно вышла замуж за медика П. И. Бокова (прототип Лопухова). Боков был другом Н. Г. Чернышевского и разделял его взгляды на права и самореализацию женщин в семье и в обществе. Обучаясь на лекциях в Медико-хирургической академии, Мария Александровна влюбилась в гениального русского физиолога И. М. Сеченова (прототип Кирсанова). Это не нарушило, однако, дружеских отношений между супругами. Они жили рядом, чуть ли не в одной квартире, чтобы не компрометировать женщину, которая не могла получить развода и продолжала считаться официальной женой законного супруга. В конце 1860-х гг. Сеченовы разъехались с Боковым, который, в свою очередь, нашел новую семью и переехал в Москву [2, с. 487–488].

Моделью новых брачных отношений стала и семья Николая и Людмилы Шелгуновых. Николай Васильевич влюбился в свою племянницу Людмилу Михаэлис, мать которой придерживалась перedовых взглядов и была сторонницей равноправия.

В течение нескольких лет (с мая 1848 г. по февраль 1851 г.) Николай Васильевич написал много писем своей невесте, в которых отразил свое видение семьи и женского предназначения. Он считал, что в женщине важна не только внешняя красота: «Нет, я не так смотрю на женщину, я хочу уважать ее, и потому мне нужно, чтобы подле меня сидело существо разумное, мыслящее, чувствующее и прекрасное» [3, с. 37]. Мысли и рассуждения Шелгунова о женщине, о ее роли в семье и взаимоотношениях с мужем совпадают с идеями, изложенными в дневниковых записях Н. Г. Чернышевского. В письме от 2 сентября 1850 г. Шелгунов пишет своей невесте: «Жизнь супругов должна быть основана на товариществе, в котором равенство есть первое основание благоденствия. Понимая, что я муж, я подчиняюсь своей жене, я буду делать только то, что захочет моя жена. Я убежден, что добрая, любящая, нежная жена всегда больше своего мужа... Я не стесняю Вас в Ваших действиях, я не хочу быть Вашим тяжелым бременем, я люблю Вас и потому не хотел бы быть причиной Вашего несчастья... Вы можете выбрать себе нового мужа, можете насладиться с ним счастьем возможным на земле, а обо мне можете не думать. Насчет обеспечения жизни Вы не будете иметь хлопот, я буду заботиться о Вас, и нужда не заглянет в дом, в котором Вы будете жить» [4, с. 77]. Надо сказать, что мысли и поведение Чернышевского, как и его последователя Н. В. Шелгунова, отличались исключительностью. Материалисты во взглядах на общественные отношения, они исповедовали высокий идеализм в представлениях о любви и женщине как наиболее угнетенной личности.

Интимная и семейная жизнь Николая Васильевича Шелгунова в полной мере реализовала все его мысли и замыслы относительно брачного союза. Когда его жена влюбилась в его друга М. Л. Михайлова, талантливого поэта и переводчика, их брак фактически распался. Они стали жить втроем в общей квартире, но Шелгунов смог сохранить к жене любовь и нежность, а к другу – чувство дружбы. После ареста и ссылки Михайлова на каторгу он взял на себя заботу о его сыне, а позднее практически воспитал еще одного ребенка своей бывшей супруги, Коленьку (отец которого, Александр Серно-Соловьевич, возглавлял за границей молодую эмиграцию). Сам Николай Васильевич почти 20 лет провел в ссылке, где очень интенсивно работал и публиковался в столичных журналах. Он сохранил очень теплые отношения со своей женой, свидетельством которых является их многочисленная переписка. Он называл ее «милый дружок мой Людья» и писал, что «есть только одна прочная связь – это с тобою, так что я не могу представить себе жизни без тебя» [4, с. 81].

Но еще за 15–20 лет до начала распространения «эпидемии» фиктивных браков в России знаменитая дочь Елены Ган, Елена Блаватская, использовала замужество с целью своего освобождения. Известно, что в 16 лет она, по-видимому совершенно сознательно, заключает брак по расчету: выходит замуж за 42-летнего надворного советника, ереванского вице-губернатора Н. Б. Блаватского и после свадьбы по обоюдному согласию расходится с ним (без оформления развода). Как сообщается в биографической литературе, уйдя от мужа через три месяца после свадьбы, она уехала в путешествие, но не с другим мужчиной, а одна. Ведь только замужним женщинам разрешалось в России в середине XIX в. поехать самостоятельно за границу, а тем более получить там образование [5].

Типичный случай фиктивного брака подробно описан в дневнике молодого Н. Г. Чернышевского. Его друг, студент Петербургского университета Василий Лободовский, в мае 1848 г. «освободил» дочь станционного смотрителя Надежду Егоровну и очень удивился тому, что девушка упорно отказывалась изучать иностранные языки и читать Гоголя. «Ошибка, что женился, ошибка во всех расчетах», – заявляет через два месяца после свадьбы Лободовский. И доверительно делится с Чернышевским своим новым планом: «Право, если найдет слишком тяжелая минута, я узнаю, у кого есть 1000 рублей серебром в кармане, и украду; половину отдам Наде, половину домой, а сам пойду в Сибирь» [6]. Объяснить эту реакцию можно разрушением надежды юноши на то, что его жертва не напрасна, что девушка, ради которой он пожертвовал своей свободой, будет развиваться, станет личностью.

Действительно, судьба участников экспериментов по заключению фиктивного брака не всегда была счастливой. Вместе с историями с благополучным финалом разыгрывались и настоящие человеческие драмы.

В конце 1880-х гг. у постели умирающей сестры Софья Ковалевская много думала о своей собственной судьбе, о причинах, приведших к трагедии ее семейной жизни, смерти мужа. Она искала ответы на вопросы о том, почему так драматично сложился ее жизненный путь и родной сестры Анны, обладающей творческими задатками и литературным талантом, почему так трагично завершил свой жизненный путь ее муж. В 1882 г. брак Ковалевских был фактически завершен, супруги разъехались, а в 1883 г. Владимир покончил жизнь самоубийством.

За 19 лет до этого, в далеком 1868 г., у 18-летней Софьи и Владимира Ковалевского, которому было 26 лет, были совсем иные ожидания от этого

брачного союза. Несмотря на то что брак был фиктивным, позволяющим Софье возможность получить образование за границей, Владимир искренне восхищался своей невестой. В письме к своему старшему брату Владимир Ковалевский пишет: «Младшая, именно мой воробышек, такое существо, что я и описывать ее не стану, потому что ты, естественно, подумаешь, что я увлечен <...>. Несмотря на свои 18 лет, воробышек образован великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой, причем проходит уже сферическую тригонометрию и интегралы, работает как муравей с утра до ночи и при всем этом жив, мил и очень хорош собой. Вообще это такое счастье свалилось на меня, что трудно себе представить» [7, с. 99].

Перед свадьбой Владимир Ковалевский жил у невесты в усадьбе Палибино. Вместе они занимались научными исследованиями. В мае 1868 г. Владимир пишет брату: «Я с каждым днем имел в последнее время случай удивляться способностям, которые могут уместиться в такой юной головке. <...> Кроме того, она потребовала, чтобы я передал ей часть своих работ, и редактировала мне корректуры Дарвина гораздо тщательнее и лучше моего. <...> Я думаю, что эта встреча сделает из меня порядочного человека, что я брошу издательство и стану заниматься, хотя не могу скрывать от себя, что эта натура в тысячу раз лучше, умнее и талантливее меня <...>. Вообще это маленький феномен, и за что он мне попался, я не могу сообразить» [8, с. 67].

Владимир Ковалевский (1842–1883) происходил из семьи мелкопоместного обедневшего дворянина Витебской губернии. В 1861 г. блестяще окончил училище правоведения, хорошо знал несколько европейских языков (английский, немецкий, французский, итальянский, польский). Но казенная служба была ему неинтересна. В Петербурге в 1864–1869 гг. Ковалевский занимался книгоиздательской деятельностью. За пять лет он издал около 50 книг по естествознанию, которые сам часто и переводил с первоисточников: сочинения Дарвина, Лайэлла, Фогта, Брэма и других.

Такой объем опубликованных книг вызывает удивление и восхищение, потому что «новоиспеченный издатель не имел никакого наличного капитала. Он в долг покупал бумагу, в долг набирал и печатал, в долг заказывал клише для рисунков; авторам, переводчикам и редакторам он часто не мог выплатить гонорар...» [8, с. 50]. По замечанию С. Резника, исследователя жизни Владимира Ковалевского, «столь интенсивная издательская деятельность должна была, кажется, озолотить Ковалевского, тем более что книги, которые он выпускал, пользовались спросом: ими зачитывалась студенческая молодежь. Но, когда подходили

сроки оплаты заемных векселей, книги оказывались еще не распроданными. Чтобы расплатиться с самыми настойчивыми кредиторами, приходилось делать новые долги; росли проценты, и Ковалевский все больше запутывался, чему способствовала его граничившая с легкомыслием неосторожность» [8, с. 51].

Именно поэтому Владимир Ковалевский считал судьбоносной в своей жизни встречу с Софьей Корвин-Круковской, которая своей целеустремленностью, работоспособностью и жаждой новых знаний стала для него примером и воодушевила вновь вернуться к научным занятиям. Занявшись зоологией ископаемых позвоночных, Ковалевский в течение трех-четырёх лет создал несколько классических работ, послуживших основой научной сравнительной палеонтологии. Его труды высоко оценивал Дарвин и считал их важной опорой своей эволюционной теории. Софья Ковалевская, несмотря на все препятствия для обучения женщин в научной университетской среде, также сделала ряд важных открытий в математике и квантовой механике, защитила диссертацию и в 1884 г. стала первой женщиной – профессором Стокгольмского университета.

Софья и Владимир были очень разными натурами. По словам Юлии Лермонтовой, близкой подруги Софьи Ковалевской, «она чувствовала всегда непреодолимую потребность в нежности и задушевности, потребность иметь постоянно возле себя человека, который бы всем делился с нею <...>. Ковалевский отличался также беспокойным характером; он носился постоянно с новыми планами и идеями. Бог знает, могли ли бы при каких бы то ни было обстоятельствах жизни прожить истинно счастливо вместе эти два существа, так богато одаренные оба?» [9, с. 385].

Владимир Ковалевский всегда очень трогательно заботился о своей жене. В письмах к брату и друзьям в период жизни за границей он волновался о том, чтобы она не оставалась одна (Софья боялась ночевать в одиночестве из-за страхов своей впечатлительной натуры), на период отпуска старался выбрать городок с красивыми окрестностями и театром, который она так любила.

Владимир и Софья неоднократно пытались разорвать фиктивный союз и предоставить друг другу свободу, пытались жить отдельно в течение целого года. Но в то же время этих разных людей объединяла духовная близость, хотя они совсем не совпадали по темпераменту. Поэтому после завершения научных занятий за границей чета Ковалевских, приехав в Россию, все же решает создать настоящую семью, в которой вскоре появляется дочь.

К сожалению, в Петербурге Ковалевские прервали свои научные занятия, они попробовали раз-

богатеть. Они вложили деньги от наследства Софьи, а также средства родственников и знакомых в строительство домов и бань на Васильевском острове. Не обладая в полной мере коммерческими способностями, семья Ковалевских оказалась разорена: «Молодая женщина глубоко верила в силу математики, а Ковалевский полностью доверял ее уму и практической сметке» [7, с. 265].

В Петербурге, во время строительного бума, в который неосмотрительно ввязались Ковалевские, они жили на широкую ногу: «все восемь комнат были обставлены дорогой мебелью, по углам стояли вазы с редкими растениями, под потолком висели клетки с птицами» [7, с. 271]. Несмотря на то что Владимир Онуфриевич был вечно занят тысячью дел, «рано вставал, ел очень неправильно, как-то перехватывая все на лету <...>, решительно пренебрегал своим костюмом», он неустанно заботился о своей жене. «Она любила сласти, и он заваливал ее конфетами самых разных сортов. Всюду появляясь в одном и том же потертом и не всегда тщательно вычищенном после лазания по стройке сюртуке, он каждый раз покупал Софе то шляпки,

то туфельки, то дорогие безделушки, заставлял ее шить новые и новые наряды и, конечно же, у самых модных и знаменитых портных» [7, с. 270].

Позднее московская «нефтяная» эпопея в их жизни окончательно подорвет физическое и психическое здоровье Владимира Ковалевского и в конечном счете доведет его до самоубийства. Выдающиеся ученые, оба супруга оказались плохими коммерсантами, что свойственно русской ментальности. И страдательным персонажем при этом оказался мужчина, который не смог удержаться в парадигме «разумного эгоизма». Встреча с Софьей стала для Владимира Ковалевского катализатором его научного прорыва, но стремление соответствовать нормам светской этики, принять на себя роль отца семейства, обеспечивающего благосостояние семьи, оказалась ему не по силам.

Все описанные эпизоды заключения фиктивных браков, имеющих, как правило, драматические и даже трагические последствия для мужчин, являются интересной страницей русской культуры XIX в., до сих пор еще недостаточно изученной.

Список литературы

1. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность). 1830–1860 гг. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998. 410 с.
2. Штрайх С. Я. Комментарии к «Письмам» // Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1951. 206 с.
3. Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2 т. М., 1967. Т. 2. 633 с.
4. Павлюченко. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. 270 с.
5. Кафанова О. Б. Елена Ган и две ее дочери в истории культуры // Русская литература в контексте культуры: материалы Всерос. конф., 2–3 ноября 2006 г. Томского государственного педагогического института. Томск, 2007. С. 77–85.
6. Воронин А. Женский вопрос // Маяк. 07.03.2017. URL: <http://mayak-pushkino.ru/zhenskij-vopros/> (дата обращения: 13.03.2017).
7. Резник С. Владимир Ковалевский (трагедия нигилиста). М., 1978. 335 с.
8. Штрайх С. Я. Сестры Корвин-Круковские М., 1933. 342 с.
9. Лермонтова Ю. В. Воспоминания о Софье Ковалевской // Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1951. 206 с.

Афанасьева Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: uua@list.ru

Материал поступил в редакцию 30.03.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-64-68

MARRIAGE OF CONVENIENCE AS A CULTURAL PHENOMENON IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY

Yu. Yu. Afanasyeva

Based on the letters and memoirs of N. V. Shelgunov, V. O. Kovalevsky, N. G. Chernyshevsky and modern critical works, the phenomenon of emergence of marriage of convenience in Russia is considered. Untypical family models with a new attitude towards women are being investigated. The gender approach reveals a gradual change in the public consciousness of the role of women in the family and society.

The article analyzes historical preconditions for the emergence of such a cultural phenomenon as marriage of convenience. The real implementation of the theory of “reasonable egoism”, proclaimed by N. G. Chernyshevsky in the novel “What Is to Be Done?”, is being studied. On the examples of family life of M. A. Obrucheva – P. I. Bokov, L. P. Mikhaelis – N. V. Shelgunov, S. V. Kovalevskaya – V. O. Kovalevsky and others, the fate of the participants of the love experiment can be traced. In the opinion of N. G. Chernyshevsky and his followers, a woman in marriage

should not only obtain equal with a man rights, but also freedom. She can control her feelings. At the same time, men are liberators, by means of marriage helping a woman to avoid domestic despotism or giving an opportunity to get an education.

In Russia the model of behavior of a noble man was conditioned by his desire to take responsibility for a woman, deprived of the civil rights by the society. N. G. Chernyshevsky showed what a decent person in Russia should do, without going beyond the framework of “reasonable egoism”. That is, in the conditions of social injustice, a man had to make up and give a woman what she did not receive from the society. The model of the noble altruistic behavior of a man firmly entered the consciousness and was developed by the part of the youth who shared the ideas of radicalism.

Key words: *N. G. Chernyshevsky, the novel “What Is to Be Done?”, marriage of convenience, the Shelgunov family, memories, Sophia and Vladimir Kovalevsky, gender studies.*

References

1. Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka (Mify i real'nost'). 1830–1860 gg.* [George Sand and Russian literature of the XIX century (Myths and Reality). 1830–1860]. Tomsk, TSPU Publ., 1998. 410 p. (in Russian).
2. Shtraykh S. Ya. Kommentarii k “Pis'mam” [Comments on the “Letters”]. *Kovalevskaya S. V. Vospominaniya i pis'ma* [Kovalevskaya S. V. Memories and letters]. Moscow, 1951. 206 p. (in Russian).
3. Shelgunova L. P. Iz dalekogo proshlogo [From the distant past]. Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhaylov M. L. *Vospominaniya*. V 2 tomakh. T. 2 [Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhaylov M. L. Memories. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1967. 633 p. (in Russian).
4. Pavlyuchenko. *Zhenshichiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii. Ot Marii Volkonskoy do Very Figner* [Women in the Russian liberation movement. From Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow, 1988. 270 p. (in Russian).
5. Kafanova O. B. Elena Gan i dve eye docheri v istorii kul'tury [Elena Gan and her two daughters in the history of culture]. *Russkaya literatura v kontekste kul'tury. Materialy vserossiyskoy konferentsii. 2–3 noyabrya 2006 g. Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Russian literature in the context of culture. Materials of the All-Russian Conference. November 2–3, 2006, Tomsk Pedagogical Institute]. Tomsk, 2007. Pp. 77–85 (in Russian).
6. Voronin A. Zhenskiy vopros [The women's question]. *Mayak*. 03.07.2017 (in Russian). URL: <http://mayak-pushkino.ru/zhenskij-vopros/> (accessed 13 March 2017).
7. Reznik S. *Vladimir Kovalevskiy (Tragediya Nigilista)* [Vladimir Kovalevsky (Tragedy of the Nihilist)]. Moscow, 1978. 335 p. (in Russian).
8. Shtraykh S. Ya. *Sestry Korvin-Krukovskiy* [Sisters Korvin-Krukovskie]. Moscow, 1933. 342 p. (in Russian).
9. Lermontova Yu. V. Vospominaniya o Sof'ye Kovalevskoy [Memories about Sofya Kovalevskaya]. *Kovalevskaya S. V. Vospominaniya i pis'ma* [Kovalevskaya S. V. Memories and letters]. Moscow, 1951. 206 p. (in Russian).

Afanasyeva Yu. Yu., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: uua@list.ru